

О. Н. ТРУБАЧЕВ

ЛИТОВСКОЕ *nasraĩ* 'насть': ЭТИМОЛОГИЯ И ГРАММАТИКА

(Тезисы)

Кажется очевидным, что *nasraĩ* — мн.ч. от ст. — лит. *nāsras* 'рот' и, в конечном счете, произведено от названия носа — лит. *nósis*. Ср. *Trautmann BSW* 193—194; *Fraenkel I* 485. Однако этимологическая доистория показывает совсем иное направление словопроизводства, а также позволяет по-иному взглянуть на развитие вокализма корня и генезис флексии.

В согласии с большинством исследователей мы считаем, что лит. *nasraĩ* исконно родственно слав. **nozdrī*, русск. *ноздри* и т.д. Для славянского слова это важно как свидетельство вставочного характера *-d-* в первоначальном **nozri*. Для литовского слова это тождество важно при реконструкции конца слова, который, как мы считаем, сохраняет более первоначальный вид в славянском соответствии. Чтобы аргументировать — с вынужденной краткостью — отвергаемые здесь прочие этимологии славянского слова, укажем лишь, что ни гипотеза о сложении **nos-dbra* (см. *Vasmer II* 225), необязательная ввиду позднего характера соответствующих изменений в укр. *ніздря*, ни предположение о наличии здесь производного с суффиксом и.-е. — *dhr-* (*Brugmann, Grdr. II* 1 381) или с суффиксом *-r-* (*Meillet, Etudes I* 129) не принимаются нами по той причине, что они не могут объяснить всех очевидно родственных образований, о которых — ниже.

Немецкое *Nüster* ж.р. 'ноздря', средненижненемецкое *noster* из **nustrī* продолжает и.-е. **nosrī*, тождественное слав. **nozri* практически во всем, кроме грамматической функции. На этом круг обычных сопоставлений замыкается, дальше идут различные формы названия носа. Одна из них как правило выпадала в силу своих не до конца понятых особенностей, хотя имеет сюда самое прямое отношение. Мы имеем при этом в виду греч. *ῥίς*, род. п. *ῥῖνός*, резко отличающееся от консонантной основы и.-е. *nās-*, прослеживаемой в др. -инд. *nas-* ж.р. 'нос', авест. *nāh-*, лат. *nāris*, лит. *nósis*, слав. **nosъ* (см. о них *Mayrhofer II* 146; *Pokorny I* 755). Греческое название носа считают неясным, местной заменой и.-е. названия (см. *Frisk II* 659), между тем как оно может быть реконструировано как именная консонантная парадигма **srīns/* / **srīnos*. Этимология от и.-е. **ser-* 'течь' (*Boisacq⁴* 842; *Hofmann* 299), приемлемая для начала основы, не может объяснить ее исхода, а как раз здесь, по

нашему мнению, ключ к разгадке. Полную форму косвенного падежа греч. $\rho\acute{\iota}\nu\acute{o}\varsigma$ мы предлагаем читать как $*sri = nos$, дофлексивное сложение названия носа и производного с суффиксом $=\bar{i}$ от редуцированного варианта упомянутого выше корня $*ser-$. Если описанная последовательность корневых морфем $*sri = nos$ представлена в греческом названии носа (ср. особенно значение греч. $\alpha\acute{\iota} \rho\acute{\iota}\nu\epsilon\varsigma$ 'ноздри'), то естественно будет предположить, что в названных выше слав., нем. и лит. названиях ноздрей, пасти представлены абсолютно те же корневые морфемы, только в иной последовательности — $*nos = sri$. Этот факт словообразовательно-лексического отличия можно отнести к эпохе индоевропейских диалектных отношений, весьма архаичных ввиду флексивной неформленности.

Вернемся к литовским словам. Лит. $n\acute{o}sis$ отражает и.-е. $*n\bar{a}s-$ с удлинением вокализмом именительного падежа как самостоятельной, эмфатически употребленной формы. Для лит. $nasra\bar{i}$, как и для нем. $N\ddot{u}ster$, и для слав. $*nozdr\bar{i}$ можно говорить только о кратком и.-е. $\bar{a}$ или, скорее, — об $\bar{o}$, как о том свидетельствуют герм. формы и — не в последнюю очередь — греч. $\rho\acute{\iota}\nu\acute{o}\varsigma$. Эта краткость вокализма, необъяснимая из литовского, вытекает из связанного употребления $*n\bar{o}s-$ в и.-е. диал. $*nos = sri$.

И.-е. $*nos = sri$ с древней долготой в исходе и исконным значением множественности, естественным в обозначениях парных предметов, образующих целое (ср. лит. $d\ddot{u}rys$, слав. $*dv\bar{y}ri$ и т.п., см. Meillet, *Études* I 176—177), должно было бы отразиться в виде лит. $*nasr\bar{y}s$, но парадигма 2, к которой принадлежит лит. $d\ddot{u}rys$, несет во мн.ч. ударение не на флексии. Может быть, этим и была вызвана перестройка в $nasra\bar{i}$, формально — мн. ч. от основ на $*-o-$, к числу которых не принадлежит ни одно из продолжений и.-е. $*nos = sri$. Отсюда один возможный вывод — это то, что форма $n\bar{a}sras$ образована ad hoc, как бы для „реабилитации“ плюраля $nasra\bar{i}$. Точно так же новым и вторичным по отношению к мн.ч. $*nozdr\bar{i}$ (ст.-слав. НОЗДРИ) явилось ед.ч. русск. *ноздря́*, польск. *nozdrza*, болг. *ноздра* (см. Vaillant, *Gramm. comp.* II 1 312). Здесь логичнее, между прочим, ожидалось бы $*ноздрь$ с основой на $-u-$, ср. *дверь* < *двери*.

Итак, типично дограмматическая и.-е. форма $*nos = sri$, в исходе — словообразовательный формант $-\bar{i}$, претерпевает совершенно различную грамматическую, морфологическую реализацию в относительно близко родственных ветвях индоевропейского. При этом и.-е. $*nos = sri$ отражается в славянском как *plurale tantum*, в германском формализуется как имя женского рода на $-\bar{i}$, в литовском же полностью утрачивает древний долгий гласный в исходе, перестроившись как плюраль регулярного вида.